

О ПОСТРОЕНІИ КРѢПОСТИ САРКЕЛА.

(Полемиическая замѣтка).

Приходится исполнить долгъ спеціалиста, хотя бы это и не доставляло намъ никакой пріятности. Мы должны заявить полное свое несогласіе съ мнѣніемъ одного изъ наиболѣе уважаемыхъ нами ученыхъ, трудящихся въ одной съ нами области историческаго изслѣдованія; мало того—мы должны протестовать противъ тѣхъ критическихъ приѣмовъ, какіе обнаруживаются въ его недавней статьѣ. Доказываемая нашимъ ученымъ другомъ мысль, еслибы она была справедлива, не была бы лишена значенія и даже важности для русской исторіи; благодаря авторитету ея виновника она могла бы встрѣтить не заслуженное сочувствіе и одобреніе у русскихъ историковъ—подобно пущенному недавно въ оборотъ мнѣнію о болгарскомъ происхожденіи Русской княгини Ольги, основанному на пустомъ домыслѣ поздняго книжника и встрѣтившему опрометчивое признаніе со стороны Д. И. Иловайскаго. Статья, которую мы имѣемъ въ виду, написана опытною рукою и со всѣми вышними признаками строгаго критическаго метода, а потому можетъ служить соблазнительнымъ и опаснымъ примѣромъ.

Рѣчь должна идти о статьѣ Ѡ. И. Успенскаго: „Византійскія владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ IX и X вв.“, помѣщенной въ Кіевской Старинѣ за май и іюнь текущаго года; а сущность дѣла заключается въ слѣдующемъ. Мы имѣемъ совершенно ясный и отчетливый разказъ Константина Багрянороднаго, повторенный въ почти современной по своему происхожденію византійской хроникѣ, о построеніи крѣпости Саркела при устьяхъ рѣки Дона въ хаварскихъ владѣніяхъ и для хаваръ византійскими строителями, отправленными по просьбѣ кагана императоромъ Ѡеофиломъ (829—842 гг.) около 837 года подъ начальствомъ нѣкоего протоспаарія (пол-

ковника) Петроны, который послѣ своего возвращенія изъ экспедиціи назначенъ былъ стратигомъ (воеводою) въ городъ Корсунъ, управлявшійся до того самостоительно, а теперь лишенный автономіи именно вслѣдствіе доклада Петроны. Разказъ этотъ обратилъ на себя критическое вниманіе О. И. Успенскаго и подвергся большой помилости; проф. Успенскій въ своей статьѣ доказываетъ, что дѣло совсѣмъ не могло такъ происходить и вовсе такъ не происходило, что во всемъ повѣствованіи Багрянороднаго справедливо только то, что Саркелъ былъ построенъ византійцами, а все остальное—ложь и выдумка: византійцы построили Саркелъ не для хазаръ, а для себя, и совсѣмъ не при императорѣ Теофилѣ, а гораздо позже при императорѣ Львѣ Мудромъ (886—912 гг.) въ самомъ началѣ десятаго вѣка (около 904 года); никакой связи между построеніемъ Саркела и отиѣною прежняго порядка вещей въ Корсунѣ тоже не могло быть и не было.

Какимъ же путемъ вслѣдователь пришелъ къ такому радикальному разногласію съ своимъ единственнымъ источникомъ, со словъ котораго онъ вообще имѣетъ возможность говорить о предметѣ? Какимъ образомъ одесскій профессоръ можетъ знать о такихъ дѣлахъ лучше, чѣмъ императоръ Константинъ Багрянородный, жившій въ X вѣкѣ и придававшій такое значеніе своему сообщенію, что не только помѣстилъ оное въ собственномъ сочиненіи, но и заставилъ повторить его въ хроникѣ, составлявшейся подъ его руководствомъ? Почему вообще оказалось нужнымъ подвергать весь разказъ столь сокрушительной и разлагающей критикѣ?

О. И. Успенскій говоритъ, что разказъ включаетъ въ себѣ вещи невозможныя в немыслимыя. Невозможное дѣло, чтобы византійское правительство, которое отличалось ревнивымъ охраненіемъ тайнъ своего военнаго искусства, стало строить крѣпость для варваровъ, чтобы императоръ согласился на просьбу своихъ политическихъ враговъ, да еще варваровъ, и послалъ своего инженера и цѣлую экспедицію для строенія крѣпости въ варварской землѣ (стр. 257). Но не напрасно ли начинать критику извѣстія столь рѣшительнымъ заявленіемъ своихъ личныхъ, субъективныхъ воззрѣній на возможное и невозможное? Это—самый дурной и опасный критическій приемъ—сейчасъ же объявлять невозможнымъ то, чтб намъ покажется страннымъ, неожиданнымъ или вѣроятнымъ. Чтб одному кажется неправдоподобнымъ, то другой можетъ находить совершенно возможнымъ. Намъ сейчасъ же представляется цѣлый рядъ вопросовъ, съ которыми мы имѣемъ право обратиться къ О. И. Успенскому. Пусть

императоръ Константинъ Багрянородный сообщалъ завѣдомо невѣрный разказъ, по улоди онъ считалъ его тоже неправдоподобнымъ или даже невозможнымъ? Если онъ самъ не вѣрилъ въ то, что разказывалъ, то, по крайней мѣрѣ, считалъ возможнымъ, что ему повѣрятъ другіе, то-есть, его византійцы; иначе зачѣмъ было и разказывать то, чему никто не повѣритъ? Очевидно, что по византійскому взгляду построеніе крѣпости для варваровъ въ варварской странѣ было дѣломъ возможнымъ, и Византійскій императоръ лучший въ этомъ вопросѣ судья; вѣдь здѣсь мы не паходимся въ области чудеснаго. Онъ могъ бы сказать русскому ученому: „Вижу, любезный россъ, что ты внимательно читалъ мои сочиненія, и это меня очень радуеть, такъ какъ отъ тѣхъ россовъ, которыхъ я зналъ, которые нѣкогда сопровождали великую книгиню Ольгу, принятую при моемъ дворѣ, и которые служили въ моемъ флотѣ, во время критской экспедиціи, я не могъ ожидать ничего подобнаго: россы въ мое время были народъ жестокой и свирѣпый; вижу, что ты держишь въ умѣ сдѣланное мною монимъ преемникамъ паставленіе о греческомъ огнѣ на случай, если какіе-нибудь сосѣдніе, хотя бы и дружественные иноплеменные князья стали просить о сообщеніи имъ секрета: но ты забываешь, что между греческимъ огнемъ, который указанъ былъ ангеломъ первому христіанскому императору, и между построеніемъ крѣпостныхъ стѣнъ изъ глины и обожженнаго кирпича есть большое различіе. Не напрасно ли ты вздумалъ обличать меня по такому поводу въ злонамѣренную выдумкѣ и въ обманѣ? Если ты рѣшаешься совопросничать со мною и препираться, то и я спрошу тебя: еслибы при построеніи Саркела дѣло шло о сохраненіи тайнъ ромейскаго военнаго искусства, то какая разница была бы въ томъ—строить памъ крѣпость для варваровъ или для себя? Все одно, хазары могли бы видѣть, какъ наши ромен копали глину, выжигали кирпичъ, добывали известъ изъ мелкаго рѣчнаго камня, и еслибы они не были грубыми и непросвѣщенными людьми (хотя они все-таки были лучшими изъ варваровъ), то имъ представился бы удобный случай научиться простому человѣческому искусству... Почему, наконецъ, ты думаешь, что хазары въ то время, о которомъ я говорю, были политическими врагами нашей христіанской имперіи? Развѣ объ этомъ написано въ моихъ сочиненіяхъ или въ тѣхъ хроникахъ, которыя были составляемы по моему повелѣнію и подъ моимъ руководствомъ? Не хотѣлъ подробно заниматься царствованіемъ императора Теофила, который запятналъ себя гнусною иконоборческою ересью, во

тебѣ, какъ русскому, слѣдовало бы что-нибудь помнить о дружественныхъ сношеніяхъ кагана съ византійскимъ дворомъ, именно около времени построенія Саркела, такъ какъ тутъ замѣшаны были тѣ россы, которые захотѣли воротиться изъ Константинополя на родину черезъ землю франковъ и которыхъ тамъ приняли за шведовъ“...

Въ теоріи Ѡ. И. Успенскій, собственно говоря, не отвергаетъ, что не онъ, а Константинъ Багрянородный могъ лучше внять исторію построенія Саркела, но—вотъ видите—византійскій писатель, хотя бы и облеченный въ порфиру, не застрахованъ былъ отъ тенденціозности, а Ѡ. И. Успенскій обладаетъ такими усовершенствованными орудіями критики, иредъ которыми всякій тенденціозный разказъ обличится въ своей несостоятельности, да едва ли, прибавимъ, устоитъ неприкосновеннымъ и всякій другой. Въ чемъ, однако, состояла тенденціозность Константина Багрянороднаго—это остается для насъ довольно темнымъ; проф. Успенскій ограничивается какими-то темными намеками, что дѣло было „деликатное“, но не даетъ себѣ труда высказаться положительно и ясно. Онъ склоненъ думать, что вставка (въ 42-й главѣ сочиненія *de administrando imperio*) о строеніи Саркела сдѣлана на основаніи данныхъ, хранившихся въ Константинополѣ, но сдѣлана умышленно и искажена (стр. 288). „Умышленность имѣеть для себя объясненіе въ довольно деликатномъ съ политической точки зрѣнія положеніи дѣла. Византійскій императоръ посылкой экспедиціи на сѣверъ (для построенія Саркела) затрогивалъ интересы другихъ европейскихъ силъ, которыя не желали допустить грековъ въ нынѣшнюю Россію“ (стр. 289). Было бы желательно, чтобы нашъ провинциальный историкъ выражался не столь деликатно, но съ прямотою, хотя бы и нѣсколько грубою. Кого хотѣлъ обмануть вѣнценосный писатель? Отъ кого хотѣлъ скрыть, что византійцы построили нѣкогда при устьѣ рѣки Дона крѣпость для себя, а не для хазарь? Можетъ быть, отъ хазарь? Но вѣдь они и сами могли видѣть, кому принадлежитъ крѣпость, и чей гарнизонъ въ ней стоитъ, могли знать, съ какихъ поръ это повелось. Можетъ быть, отъ болгарь, которые тоже стремились къ политическому вліянію въ печенѣжскихъ кочевьяхъ? По истинѣ, это былъ бы очень тонкій расчетъ. Чтѣ бы на это сказалъ Константинъ Багрянородный? Онъ, вѣроятно, сказалъ бы слѣдующее: „Ученый россъ, въ мое время не было обычая читать книгу—притомъ внимательно—не съ начала, а со середины, и я надѣюсь, что ты размышлялъ не только о сорокъ-второй главѣ моего сочиненія,

но также и о первыхъ его страницахъ; а тамъ у меня объяснено, для кого я предназначалъ свое твореніе. О варварахъ я совсѣмъ не заботился и не имѣлъ основанія опасаться, что они воспользуются моею откровенностью, ибо они были грубы, необразованны и не въ состояніи были понимать нашей высокой рѣчи, наслѣдованной отъ древнихъ еллиновъ; даже съ вашею княгинею Ольгой я объяснялся черезъ посредство переводчиковъ. Я писалъ, какъ это заявлено въ первыхъ строкахъ сочиненія, для собственнаго моего сына Романа, о немъ только заботился, его хотѣлъ посвятить въ дѣла нашей Ромейской, Богомъ хранимой, державы, его хотѣлъ познакомить съ отношеніями ея къ многоразличнымъ близкимъ и сосѣдственнымъ варварскимъ племенамъ; въ моемъ сочиненіи излагаются основанія того, что вы теперь называете иностранною политикою государства, и отъ того иные совѣты, мною даваемые будущему моему наслѣднику, моему возлюбленному сыну Роману, имѣютъ характеръ довольно конфиденціальный, когда, на примѣръ, я наставляю его, какъ слѣдуетъ отклонять притязательную навязчивость варваровъ на родство съ нашимъ императорскимъ домомъ или же ихъ излишнюю требовательность относительно златотканыхъ тканей и другаго рода подарковъ, или когда объясняю, какъ можно пользоваться однимъ варварскимъ народомъ для обузданія другаго, печенѣгами для обузданія болгаръ и т. д. Само собою разумѣется, что своему единственному сыну я долженъ былъ и желалъ сообщать только истинныя и правдивыя свѣдѣнія, а болгары и хавары, тѣмъ менѣе печенѣги, вовсе не должны были читать сочиненія объ управленіи имперією, еслибы даже оно было доступно для ихъ тупаго разума, такъ какъ и вообще оно не предназначалось для распространенія въ публикѣ: тебѣ, вѣдь, не безвѣстно, что и до вашего времени оно дошло въ одномъ экземплярѣ. Итакъ, не было мнѣ причины что-нибудь извращать и переименовывать ради безграмотныхъ варваровъ. Еслибы ты напомнилъ мнѣ о Болгарскомъ царѣ Симеонѣ, которому иные давали слишкомъ для него лестное прозваніе полугрека, то этого злаго врага нашей имперіи, надѣлавшаго столько хлопотъ моей матери и моимъ опекунамъ, уже не было въ живыхъ, когда я писалъ свое сочиненіе"... Прибавимъ къ этому слѣдующее замѣчаніе: предположеніе о тенденціозности Константина если еще можетъ служить къ объясненію умолчанія о принадлежности Саркела Византіи, то оно совсѣмъ не достаточно для объясненія будто бы допущеннаго въ разказѣ извращенія хронологіи. *Θ. И. Успенскій* понималъ это, понималъ, что

императоръ даже ради своихъ хазарскихъ и болгарскихъ читателей не имѣлъ никакого побужденія замѣнить имя царя Льва, при которомъ будто бы на самомъ дѣлѣ выстроенъ Саркелъ, именемъ болѣе ранняго царя Теофила, и честь, подобающую собственному отцу, приписывать неправовѣрному, иконоборческому государю. Тутъ на помощь критикѣ являются какіе-то формальные мотивы. „Невѣрности у Константина могутъ, де, быть до нѣкоторой степени объяснены формальными мотивами. Собственное имя Теофила могло явиться изъ эпитета τὸν θεοφίλον или θεοφιλῆ“ (стр. 263). Что хочетъ этимъ сказать профессоръ Успенскій? О недоразумѣніи или ошибкѣ не можетъ быть рѣчи. Нельзя думать, что Константинъ Багрянородный (или же кто другой ранѣе его), имѣя въ рукахъ хорошій, надежный источникъ—предполагается, что это было донесеніе самого строителя крѣпости, — не сумѣлъ понять его выраженной надлежащимъ образомъ и впалъ въ такую смѣшную ошибку, что титулъ, которымъ часто величали Византійскихъ царей—боголюбивый, θεοφιλής, принялъ за собственное имя. Не это и разумѣется подъ формальными мотивами невѣрностей или, точнѣе, намѣренной лжи. *Θ. И. Успенскій* хочетъ сказать, что, рѣшившись скрыть истину и замѣнить имя царя Льва какимъ-нибудь другимъ, Константинъ потому всего скорѣе попалъ на имя царя Теофила, что встрѣтилъ при чтеніи своего источника соввучное выраженіе, употребленное въ видѣ простаго прилагательнаго; къ тому же при Теофилѣ былъ сановникъ, игравшій потомъ важную роль, носившій имя Петроны, какъ назывался и повдѣйшій строитель Саркела, такъ что передержка въ эту сторону представляла двойное удобство—два формальныхъ мотива. Неправдоподобная выдумка! Странное хитросплетеніе!

Въ чемъ же заключаются лучшія основанія, заставляющія *Θ. И. Успенскаго* не довѣрять въ данномъ случаѣ Константину и относить построеніе Саркела ко времени Льва Мудраго, придавая крѣпости другое назначеніе?

Θ. И. Успенскій у самого Константина находитъ доказательство той мысли, что Саркелъ принадлежалъ не хазарамъ, а грекамъ; онъ находитъ такое доказательство въ 11-й главѣ сочиненія de administrando imperio, гдѣ идетъ рѣчь о кавказскихъ аланахъ и объясняется, какую пользу аланы могутъ приносить византійцамъ и какъ могутъ вредить хазарамъ, еслибы послѣдніе не пожелали соблюдать мира съ имперією. Константинъ пишетъ, что въ такомъ случаѣ влaститель аланъ можетъ сильно вредить имъ (хазарамъ), занимая пути и дѣлая на нихъ неожиданныя

нападенія во время ихъ движенія къ Саркелу, Климатамъ и Херсону; если означенный властитель приложитъ стараніе и будетъ отвлекать ихъ, то Херсонъ и Климаты могутъ пользоваться глубокимъ и совершеннымъ миромъ. Вотъ какъ комментируетъ эти строки проф. Успенскій: „Не требуется никакихъ толкованій къ этому мѣсту, чтобъ установить его смыслъ. Ясно, что предполагаемая вражда аланъ къ хазарамъ должна препятствовать послѣднимъ дѣлать враждебныя нападенія на греческія владѣнія; такимъ образомъ поименованныя мѣста—Саркель, Климаты и Херсонъ, въ періодъ происхожденія сочиненія *De administrando imperio*—оказываются греческими владѣніями. Въ сущности это единственное прямое мѣсто, раскрывающее дальновидную политику византійскаго правительства на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. Но если Саркель въ X вѣкѣ былъ византійскимъ городомъ, то это даетъ уже намъ весьма реальныя основанія подвергнуть сомнѣнію разказъ о томъ, что Саркель построенъ по просьбѣ Хазарскаго кагана“ (стр. 258). Итакъ оказывается, что Константинъ, который хотѣлъ скрыть истину, все-таки проговорился и впалъ въ явное противорѣчіе съ самимъ собою. Въ одиннадцатой главѣ онъ будто бы считаетъ Саркель городъ греческимъ, а въ 42-й главѣ прямо называетъ его хазарскимъ, явно говоря самъ отъ себя и еще не приступая къ повѣствованію о его постройкѣ. Въ чемъ же дѣло? Дѣло въ томъ, что и въ одиннадцатой главѣ Константинъ вовсе не думаетъ считать Саркель греческимъ городомъ. Аланы могутъ нападать на хазаръ во время ихъ движенія къ Саркелу, Климатамъ и Херсону: по гречески стоитъ глаголѣ—*ἐν τῷ διέρχασθαι*, когда они проходятъ, на проходѣ. Но проходить или двигаться можно отъ извѣстнаго центральнаго пункта какъ къ окраинѣ собственныхъ владѣній, такъ и къ чужимъ городамъ безразлично. Въ выраженіи *διέρχασθαι* (проходить) вовсе не заключается понятія о враждебныхъ нападеніяхъ, которое ниже отъ себя подставилъ нашъ изслѣдователь. Аланы просто могли пресѣчь путь хазарамъ къ ихъ же собственной крѣпости, когда они къ ней захотѣли бы пройти для какихъ-либо цѣлей, хотя бы для смѣны или подкрѣпленія гарнизона. Правда, что Херсонъ принадлежалъ Византіи, Климаты (готскію) признавали тоже ея верховную власть, и съ ними сопоставляется Саркель; но слѣдуетъ обратить вниманіе и на то обстоятельство, что Саркель названъ у Константина только тогда, когда рѣчь идетъ о пунктахъ, къ которымъ могутъ не пропустить хазаръ аланы, и что это имя не повторено сей-

часть же ниже, когда называются мѣстности, обезпечиваемыя въ своемъ спокойствіи отвлеченіемъ хазаръ въ другую сторону. Константинъ даетъ намъ понять, что и безъ того хазары никогда не нарушатъ мира въ Саркелѣ — по той простой причинѣ, что это ихъ собственное владѣніе; но доступъ къ нему могъ быть для нихъ иногда прегражденъ, точно также какъ доступъ къ Херсону и Климатамъ диверсіею со стороны аланъ. Однимъ словомъ, Саркелъ вовсе не представляется у Константина греческимъ городомъ, на который могутъ нападать хазары (стр. 290), и глава одиннадцатая объ управленіи имперіею очень удобно согласуется съ сорокъ второю. Профессоръ Успенскій справедливо замѣчаетъ, что въ этой послѣдней о печенѣгахъ предполагается, что ови занимаютъ уже всю южную Россію отъ Дона до нижняго Дуная, а объ угрохъ — что они уже находятся на мѣстахъ нынѣшняго ихъ обитанія; но вѣдь это Константинъ говоритъ о своемъ времени и вовсе не думаетъ предполагать такихъ же отношеній во время царя Теофила и въ эпоху построенія Саркела, разказъ о чемъ составляетъ, но выраженію самого же профессора Успенскаго, только вставку въ 42-й главѣ. Итакъ, совершенно напрасно *Θ. И. Успенскій* критикуетъ разказъ источника на основаніи анахронизмовъ, которыхъ у него вовсе нѣтъ, и гоняется за собственными призраками.

Затѣмъ, самое важное затрудненіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самую важную для себя опору *Θ. И. Успенскій* находитъ въ имени строителя Саркела. У Константина онъ названъ Петровою (*Πετροῦ*;) и сверхъ того отличенъ провансіемъ Каматиръ (*ὁ Καματιρὸς*): первое названіе имѣетъ видъ личнаго имени, а можетъ быть, и родоваго; во всякомъ случаѣ, также назывался еще другой признаваемый и профессоромъ Успенскимъ современникъ царя Теофила, очень хорошо извѣстный въ исторіи послѣ Теофила (см. въ статьѣ *Θ. И. Успенскаго*); могъ быть, особенно по истеченіи полустолѣтія, еще и третій византиецъ того же имени. Если Константинъ къ первому имени прибавилъ еще второе, то изъ этого слѣдуетъ заключить, что одного простаго имени Петрона было недостаточно, что такое названіе было довольно распространено, и что для большей опредѣленности нужно было прибавить провансіе Каматиръ. Последнее имѣетъ ввѣдъ провансія, усвоеннаго одному лицу, но впоследствии оно могло сдѣлаться и сдѣлалось фамильнымъ или родовымъ, такъ какъ Каматиръ встрѣчаются въ новѣйшей исторіи — при Комнинахъ (XII вѣкъ). Какъ бы дѣло ни было, во всякомъ случаѣ, какъ скоро *Θ. И. Успен-*

скій вадумалъ отыскивать, не стѣсняясь временемъ Теофила, такого Петрону, который бы и по своему положенію, и по своимъ спеціальнымъ знаніямъ, болѣе подходилъ къ строителю Саркела (стр. 259), то ему слѣдовало бы имѣть въ виду и прозваніе, разыскивать не просто Петрону, но именно Петрону Каматира. Къ сожалѣнію, онъ совершенно упустилъ изъ виду (вторую) фамилію и уже этимъ много повредилъ убѣдительности своихъ соображеній. Болѣе подходящаго для своихъ цѣлей Петрону проф. Успенскій отыскалъ въ новѣствованіи Каменіаты о разореніи Солуны сарацинами въ 904 году; въ приведенной имъ на русскомъ языкѣ выпискѣ отсюда описываются различныя оборонительныя мѣры, принимавшіяся въ виду предстоящей грозы мѣстными и наѣзжими изъ столицы властями. Въ числѣ послѣднихъ былъ именно протоспаварій Петрона, который и принесъ отъ царя вѣсть о замыслахъ враговъ. Петрона считалъ полевымъ для охраненія Солуны со стороны моря устроить искусственное загражденіе и приступилъ къ исполненію своего плана, пользуясь готовымъ матеріаломъ, вытесанными камнями городского кладбища. „Свозя ихъ и погружая въ море особеннымъ способомъ, который самимъ имъ былъ изобрѣтенъ (это придаточное предложеніе Θ И. Успенскій подчеркиваетъ и отмѣчаетъ курсивомъ), онъ создалъ этимъ небывалое укрѣпленіе“. Сей опытный инженеръ, присланный царемъ Львомъ Мудрымъ, своимъ именемъ, титуломъ и, что особенно важно, спеціальностью напоминаетъ Θ . И. Успенскому того Петрону, который былъ отправленъ для постройки Саркела и тоже обнаружилъ большое техническое искусство, до того напоминаетъ, что оба лица представляются нашему исследователю совершенно тождественными: Саркель строилъ непремѣнно тотъ самый Петрова, который отличился изъ Солуны; Константина Вагряпороднаго, который представляетъ дѣло иначе, необходимо поправить... По нашему мнѣнію, такое отождествленіе совершенно произвольно и пожалуй нѣсколько фантастично. Излишне доказывать, что ничто не мѣшало существовать въ разное время, равно какъ и одновременно, двумъ лицамъ, посящимъ одно и то же имя, одну и ту же фамилію, хотя бы даже среди инженеровъ по призванію. Впрочемъ, совпаденіе спеціальностей вовсе не такъ значительно, какъ представляется проф. Успенскому: обжигать глину и готовить извести не совсѣмъ то же, что погружать обтесанныя могоильныя плиты на дно морское, да и оба эти ремесла вовсе не такъ чрезвычайны, чтобы могли быть достояніемъ только единичныхъ талантовъ. Удивленіе Каменіаты вредъ находчивостію солунскаго Пе-

троны, и безъ того нѣсколько преувеличенное, еще преувеличено въ переводѣ его словъ у Θ. И. Успенскаго, потому что греческое выраженіе (ἐξαιρε); переданное словомъ изобрѣлъ, значить только придумалъ, догадался; похвально, что столичный чиновникъ придумалъ особенный практический способъ пользоваться древними памятниками, который никому изъ мѣстныхъ растерявшихся жителей не пришелъ на умъ, но въ новѣйшее время на это изобрѣтеніе не выдали бы привилегіи, да и ранѣе 904 года бывали строители и инженеры болѣе высокаго разбора. Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. Если Петрону, отличившагося въ Солунѣ, можно съ кѣмъ отождествлять, то конечно, всего скорѣе съ тѣмъ Петропою, который упомянуть въ недавно изданномъ жизнеописаніи патрарха Евѳимія (*Vita Euthymii*, ed. de Boor. Berlip. 1888), ибо здѣсь идетъ рѣчь о той же самой эпохѣ и о времени Льва Мудраго. Вновь сдѣлавшійся извѣстнымъ Петрона, въ маѣ 912 года присутствовалъ при низложеніи Евѳимія, являясь защитникомъ низверженнаго и не одобряя дощепныхъ при этомъ насильственныхъ дѣйствій; тогда онъ считался уже прямо лицомъ знатнымъ. Допустимъ, что это—бывшій временный и не докончившій своего дѣла защитникъ Солуны. Но тогда уже не будетъ никакой возможности приписывать ему и построеніе Саркела, потому что этотъ Петрона прозывался Трифилліемъ по своей принадлежности къ роду Трифилліевъ, а строитель Саркела прозывался Каматиромъ ¹⁾.

Итакъ, мы имѣемъ основаніе утверждать, что жившій во время Льва Мудраго Петрона не имѣлъ ничего общаго съ Петропою Каматиромъ, современникомъ Теофила, строителемъ Саркела.

Значительная часть статьи Θ. И. Успенскаго (вся вторая глава) посвящена объясненію отрывковъ, изданныхъ Гаге въ его комментаріяхъ къ исторіи Льва Діакона, знаменитой и пресловутой запискѣ греческаго топарха. Много было разсужденій объ этихъ отрывкахъ, изъ коихъ первый изображаетъ чью-то переправу черезъ Днѣпръ и затѣмъ движеніе небольшого вооруженнаго отряда къ Маврокастроу, то-есть, къ Аккерману на рѣкѣ Днѣстрѣ; въ двухъ послѣдующихъ

¹⁾ Τῶν ἐκ Τριφυλλίων καταγόμενος Πετρωνῆς τε καλούμενος... παρὰ περιβλήπτου ἐκείνου Τριφυλλίου (*De Boor, Vita Euthymii*, pag. 65—199). Ср. *Theophan. Chronogr.* ed. de Boor, 1, 476. *Theophan. Continuat.*, p. 122 (Bonn.). Изъ послѣднихъ двухъ явстъ видно, что *επιμίλια* Трифилліевъ была очень древняя; одна изъ нихъ играла выдающуюся роль уже въ началѣ IX вѣка.

упоминаются Климаты, подъ которыми прежде разумѣли непременно Готскіе Климаты по сосѣдству съ Херсономъ-Корсунемъ. Газе полагалъ, что тутъ идетъ рѣчь о Крымскомъ походѣ св. Владимира, князя Русскаго; А. А. Куникъ тоже держался мнѣнія, что дѣло происходитъ въ Крыму, гдѣ находился и Маврокастронъ (думаемъ, что это ошибочно), и въ авторѣ записки уважалъ Готскаго владѣтеля, признававшаго вассальную зависимость отъ Византіи; въ статьѣ, посвященной Запискѣ топарха (Русско-византійскіе отрывки—Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, июль, 1876) мы предложили русскій переводъ и подробное филологическое объясненіе трехъ отрывковъ, а въ заключеніе и свое общее историческое толкованіе ихъ содержанія, по которому они должны были относиться ко времени князя Святослава Игоревича и къ событіямъ греко-русской борьбы за обладаніе Болгаріей.

Ө. И. Успенскій относится съ одобреніемъ къ нашимъ частнымъ комментаріямъ, но не принимаетъ нашего историческаго приуроченія; онъ, впрочемъ, не согласенъ и со всѣми другими общими толкованіями, а предлагаетъ свое собственное новое объясненіе. Онъ толкуетъ отрывки Газе въ связи съ дѣятельностію своего любезнаго Петрона, то-есть, сколько мы понимаемъ его нѣсколько туманныя выраженія, думаетъ, что горой разказа, повѣствующій о себѣ въ первомъ лицѣ, есть Петрона, возвращающійся домой послѣ построенія Саркела чрезъ владѣнія и кочевья печенѣговъ въ южной Россіи. Предположеніе само по себѣ вовсе не дурное, и мы не чувствуемъ охоты ни опровергать его, ни подробно разбирать. Сдѣлаемъ только два замѣчанія. По сообщенію Константина Вагрянороднаго, Петрона Каматиръ прибылъ изъ Корсува водою на судахъ, и нужно думать, по окончаніи дѣла, тѣмъ же путемъ воротился съ начала въ Корсунъ, а потомъ въ Царьградъ, въ столицу: намъ говорятъ, что, ознакомившись съ положеніемъ дѣла на мѣстѣ, онъ сдѣлалъ докладъ императору Теофилу о неудобствахъ корсунской автономіи, вслѣдствіе котораго произошло превращеніе Корсунской области въ обыкновенное византійское воеводство съ назначеніемъ первымъ воеводою самого Петрони. Правда, Ө. И. Успенскій находитъ совсѣмъ излишнею, непущною и неправдоподобною такую связь между построеніемъ Саркела и образованіемъ Корсунской темы или, что то же, уничтоженіемъ корсунской самостоятельности; но что тутъ невозможнаго, мы никакъ не можемъ добратся. Онъ, между прочимъ, пишетъ: „Легко понять, что въ приведенномъ изложеніи сохранилось указаніе на два

факта, причинная и хронологическая связь между которыми не такъ необходима, чтобы можно было съ увѣренностію утверждать слѣдующее положеніе: построеніе Саркела влекло за собою перемѣну въ администраціи Хорсона, и на оборотъ“ (стр. 257). Дѣйствительно: необходимой связи не было, а еслибы не было прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ, то мы не въ правѣ были бы догадываться даже о какой-либо косвенной. Но вѣдь дѣло идетъ не о нашихъ умствованіяхъ и логическихъ заключеніяхъ, а о положительныхъ историческихъ свидѣтельствахъ. Самъ Константинъ новодонѣ къ увѣтожевію курсунской автономіи считаетъ вовсе не построеніе Саркела, а именно докладъ Петроны. Еслибы стали ого допрашивать, но могла ли перемѣна въ администраціи Корсуна совершиться помимо Петроны и въ другое время, то онъ, навѣрное очень бы удивился и не скоро бы понялъ, чего отъ него требуютъ, но понявши, полагаемъ, отвѣтилъ бы: да, конечно, это могло бы произойти и инымъ путемъ, но произошло именно такимъ, какъ я говорю; ужъ позвольте, хѳре Успенскій, не смотря на всю вашу ученость, знать это мнѣ лучше, потому что вы только разсуждаете, а у меня въ рукахъ были документы; притомъ дѣло это, по моему званію Византійскаго императора, меня довольно близко касалось, такъ какъ мнѣ и самому приходилось назначать воеводъ въ Корсунь.

Существуетъ и еще одно чрезвычайно важное препятствіе приручивать отрывки Газе къ самому началу X вѣка, когда жилъ и дѣйствовалъ Петрона. Они вписаны въ кодексъ, который, по замѣчанію такого большого знатока греческой палеографіи, какимъ былъ Газе, самъ былъ писанъ во второй половинѣ X вѣка, въ концѣ его, и притомъ почеркъ отрывковъ указываетъ на другую, нѣсколько болѣе новую или позднѣйшую руку. Все заставляетъ предполагать, что это были оригинальныя замѣтки автора, то-есть, того дѣйствующаго лица, которое говоритъ въ нихъ о себѣ въ первомъ лицѣ. Исчезнувшій теперь кодексъ содержалъ, по сообщенію Газе, собраніе разныхъ писемъ св. Василія Великаго, Фаларіа, св. Григорія Назіанзина, и въ этомъ кодексѣ нѣсколько страницъ, но не подъ рядъ, а въ разныхъ мѣстахъ—оставались первоначально пустыми, и потомъ уже были исписаны другою рукой. Даже по вѣшнему виду вновь исписанныя въ кодексѣ страницы не были похожи на простую копію чужаго готоваго сочиненія, такъ какъ новый текстъ испещренъ поправками: многія слова зачеркнуты, нныя написаны на верху, одни выѣснены другими. Для Газе не было сомнѣнія, что авторъ этихъ страницъ

былъ владѣтель кодекса, и что сборникъ сопровождалъ своего хозяина въ тѣхъ путешествіяхъ и походахъ, о которыхъ идетъ рѣчь на страницахъ, очевидно представляющихъ автографъ владѣльца. Намъ кажется, что безъ подобнаго предположенія никакъ нельзя обойтись. Но Ѡ. И. Успенскій полагаетъ, что отрывки вовсе не составлены во время описываемыхъ въ нихъ событій и никакъ не должны быть считаемы за автографъ, а напротивъ за повдѣйшую копію уже готоваго произведенія. Ясно, что такое утвержденіе было для него необходимо, ибо автографъ конца X вѣка не могъ принадлежать достохвальному Петропѣ и повѣствовать объ его приключеніяхъ въ 904 или 905 году. Но личная потребность изслѣдователя вовсе не есть доказательство или разъясненіе дѣла. Ѡ. И. Успенскій иногда слишкомъ легко вѣритъ въ то, что ему желательно; между тѣмъ какъ правило трезвой критики требуетъ именно въ этихъ случаяхъ наибольшей осторожности и вниманія. Иначе критическія операціи станутъ очень легкими, но за то и мало надежными. Гдѣ доказательства того, что характеризованныя выше страницы должны быть считаемы копією, не смотря на всѣ признаки оригинальности? Объ одной фразѣ втораго отрывка, сначала написанной, а потомъ зачеркнутой, Ѡ. И. Успенскій замѣчаетъ, что она зачеркнута не потому, чтобы показалась автору неудачнымъ оборотомъ мысли, а просто потому, что переписчикъ ошибся и началъ было писать то, что слѣдовало писать ниже, уже въ третьемъ отрывкѣ (стр. 268). Объясненіе сомнительно и опять приведено только ради устранения встрѣтившагося затрудненія, между прочимъ и для опроверженія того мнѣнія, которое было нѣкогда высказано мною; оно могло бы еще имѣть вѣсъ, еслибы дѣло касалось единичнаго случая, между тѣмъ, какъ замѣчено, измѣненій и поправокъ по одна, а довольно много...

Не довольствуясь запискою топарха или отрывками Газе, Ѡ. И. Успенскій обращается къ письмамъ патріарха Николая Мистика и здѣсь находитъ „новый матеріалъ для политической и культурной исторіи Византіи на сѣверномъ берегу Чернаго моря“, матеріалъ, прямо дополняющій то, что намеками находится въ отрывкахъ Газе. Въ письмахъ патріарха Николая къ Болгарскому царю Симеону будто бы встрѣчаются прямые указанія на существованіе политическихъ видовъ царя Симеона, имѣющихъ своимъ объектомъ сѣверные берега Чернаго моря, и далѣе — на старанія Византіи въ первой четверти десятаго вѣка обезопасить свои владѣнія въ тѣхъ мѣстахъ; этой цѣли будто бы предполагалось достигнуть посред-

ствомъ послыки военного отряда въ Печенѣжскую землю. Профессоръ Успенскій нашелъ въ письмахъ Николая Мистика вѣчто такое, чего въ нихъ совсѣмъ нѣтъ; онъ несомнѣнно искалъ точный смыслъ выраженій патріарха въ самомъ важномъ и рѣшительномъ мѣстѣ. Вотъ въ чемъ дѣло. Послѣ страшнаго пораженія, нанесеннаго византіяцамъ отъ болгаръ 20-го августа 917 года при Анхіалѣ, патріархъ Николай, хотя устраненный тогда отъ опеки надъ малолѣтнимъ Константиномъ и отъ дѣлъ правленія, но сохранившій свой нравственный авторитетъ, обратился къ царю Симеону съ посланіемъ (какъ онъ дѣлалъ и прежде) и умолялъ его прекратить дальнѣйшее кровопролитіе, оправдывая предшествовавшее поведеніе греческаго правительства, стараясь сколько возможно успокоить гнѣвъ раздраженнаго побѣдителя. Изъ посланія видно, что Симеонъ стремился выставить виновниками войны самихъ византіяцевъ, ссылался на враждебныя, вынуждающія мѣры, будто бы безъ всякаго съ его стороны повода принятія ихъ правительствомъ. Именно онъ указывалъ 1) на то, что греческія войска были вызваны изъ Сиріи и двинуты къ болгарскимъ границамъ, которыя послѣ и переступили, и 2) на то, что византіяцы возбуждали противъ болгаръ нечоиѣговъ, съ которыми заключили черезъ посредство херсонскаго стратига Воги, направленный противъ Болгаріи союзъ: нужно прибавить, что, по всѣмъ даннымъ, о томъ же самомъ, то-есть, о союзѣ съ печенѣгами противъ византіяцевъ, еще ранѣе хлопоталъ самъ Симеонъ, и тѣмъ болѣе онъ досадовалъ на свою неудачу, что она была торжествомъ противниковъ и дипломатическимъ пораженіемъ его агентовъ ¹⁾.

Вотъ что писалъ патріархъ ²⁾:

„Умершихъ намъ не воскресить; нужно, по крайней мѣрѣ, поправить свой грѣхъ. Виновны въ этомъ несчастномъ дѣлѣ частью мы, частью вы. Свою вину вы знаете и безъ моихъ словъ. А какъ въ этотъ грѣхъ введенъ нашъ народъ (увы, что значить сила злыхъ людей), не могу съ точностью сказать, потому что я не имѣю хорошихъ свѣдѣній о совѣщаніяхъ. Въ предварительныхъ замыслахъ и

¹⁾ См. объ этомъ *М. С. Дригозъ*: Южные славяне и Византія въ X вѣкѣ, стр. 17, а также въ анонимной статьѣ: „Николай Мистикъ, патріархъ Константинопольскій“ въ *Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцовъ* 1861 года, книжка 2-я стр. 217.

²⁾ Большая часть письма переведена въ указанной статьѣ въ *Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцовъ*, и притомъ точно, чѣмъ отрывокъ у Ф. И. Успенскаго; пропущенное, но для нашей цѣли необходимое, дополнено нами.

приготовленіяхъ я не принималъ участія и даже не зналъ о нихъ; равно какъ не зналъ и о томъ, какъ было передвинуто такое многочисленное войско (ὅδ' ὅπως ἢ κίνησις τῆς τοσαύτης ὀπῆρα στρατιᾶς; разумѣется передвиженіе войска изъ Сиріи). Но когда оно уже явилось здѣсь, это не могло укрыться и отъ меня. Хотя не отъ самихъ правителей государства, но отъ другихъ, узналъ я о причинѣ такого сбора войскъ (τοσοῦτου πλήθους ἀνταῖθα συναλεγμένου), что они назначаются для нападенія на Болгарію. Тогда, испросивъ доступъ во дворець, я старался лично узнать отъ правителей о движеніи военныхъ силъ (αἰτίαν τῆς συλλογῆς τοῦ στρατοῦ ἐξεδιδασκόμεθα), изъясняя, притомъ, поудовольствіе, что меня, епископа столицы, не пригласили на совѣтъ. Мнѣ отвѣчали, что вооружаются противъ васъ, но не ради войны и кровопролитія, а для чего? — передамъ тебѣ собственныя ихъ слова; мнѣ говорили: „Ты знаешь, отче и владыко, стратиговъ македонскаго и еракійскаго. Они не перестаютъ каждый день доносить, и письменно, и чрезъ своихъ апокрисиаріевъ, что болгаре питаютъ намѣреніе совершенно разграбить и разорить нашу страну, и, въ подкрѣпленіе своихъ донесеній, указываютъ на нарушеніе договоровъ, которые болгаре заключаютъ, не имѣя намѣренія ихъ держаться. Ты знаешь также Вогаса, стратига херсонскаго: тотъ также не перестаетъ увѣдомлять, что болгаре всячески стараются поднять печенѣговъ и другіе народы тѣхъ странъ противъ грековъ. Сверхъ того, до шестнадцати человекъ изъ печенѣговъ приходили съ вѣстями, что изъ Болгаріи нѣсколько разъ присылали къ нимъ съ приглашеніемъ быть въ союзѣ; для этого стараются и браками связать два народа. Смущаемые всѣми этими донесеніями, имѣя притомъ въ виду, что, при всѣхъ нашихъ прежнихъ стараніяхъ укрѣпить мирное расположеніе между болгарами и греками, мы не могли этого достигнуть, поневолѣ прибѣгли мы къ такой мѣрѣ, чтобы показать имъ видъ войны и попытаться, не удержимъ ли мы такимъ способомъ нападеніе болгаръ; но мы не имѣли въ виду производить кровопролитія“. — „Я не могъ этому не повѣрить“, (продолжаетъ патріархъ).... — „Вотъ ради чего, сколько я могъ убѣдиться изъ данныхъ мнѣ положительныхъ удостовѣреній, произошли у насъ сборъ войска и его передвиженіе, а также посланка къ печенѣгамъ: τούτου ἕνεκα—ἢ τοῦ στρατοῦ γέρονος συλλογῆ καὶ συκίνησις, καὶ ἢ πρὸς πατριάρχου διάπεψις, не для того, чтобы поднять войну, не для того, чтобы совершить избиеніе твоего народа, но чтобы себѣ самимъ обезпечить безопасность, чтобы съ другой

стороны остановить ваше стремленіе, какъ они выражаются, и удержать отъ нашествія на греческую землю.... Вотъ какая цѣль, говорили мнѣ, была для сосредоточенія войска; вотъ какая была причина посланки къ печенѣгамъ (τοῦτον εἶπον ἡμῖν γενέσθαι σκοπόν αὐτοῖς τῆς τοῦ στρατοῦ συναθροίσσεως· ταύτην αἰτίαν εἶναι τῆς πρὸς τοὺς πατζινάχτας διαπέμψεως) „Ты скажешь“, обращается далѣе патріархъ Николай къ Симеону,—„ты скажешь, что если хотѣли только показать видъ войны, то для чего вторглись въ землю Болгарскую и прежде войны дѣйствовали по военному (τί δῆποτε εἰς τὴν Βουλγάρων εἰσήλασαν γῆν)? И я объ этомъ спрашиваю у нихъ прежде твоего возраженія. У нихъ былъ отвѣтъ“ и т. и т. д. Мы можемъ на этомъ прервать выписку,

Очень ясно, о чемъ идетъ рѣчь въ письмѣ патріарха Николая Мистика, и тоже очень ясно, какъ развивался раздоръ между византіянами и болгарами, приведшій къ ахелойской катастрофѣ. Подозрѣвая Симеона во враждебныхъ намѣреніяхъ, получая извѣстія о томъ, что онъ склопяетъ печенѣговъ къ союзу противъ гресковъ, совѣтники императрицы Зои стали принимать свои мѣры, между которыми выдаются двѣ главныя—одна военная, другая, такъ сказать, дипломатическая. Военная—сосредоточеніе арміи на болгарской границѣ: хроники намъ говорятъ, что войска были вызваны или передвинуты изъ Сиріи (Theoph. continuat., p. 388); дипломатическая—посылка посольства къ печенѣгамъ, такъ какъ въ высшей степени было важно отвлечь ихъ отъ соглашенія съ болгарами: византійскія хроники сообщаютъ намъ, что этого удалось достигнуть тому самому Вогѣ (Вогасу), корсунскому воеводѣ, который такъ удачно слѣдилъ за болгарскими происками и давалъ знать въ столицу о появленіи посланцевъ Симеона въ кочевьяхъ печенѣжскихъ (Theophan. contin., p. 387); печенѣги обязались перейти Дунай для совокупнаго нападенія на Болгарскаго царя и прислали въ Константинополь заложниковъ (ibid.).

Что же сдѣлалъ изъ всего этого Ѳ. И. Успенскій? Весьма страннымъ образомъ онъ вычиталъ, что въ письмѣ патріарха Николая съ одной стороны идетъ рѣчь о политическихъ видахъ Симеона на сѣверные берега Чернаго моря, а съ другой—о посланкѣ византійскаго военнаго отряда въ Печенѣжскую землю, и даже того самаго отряда, о которомъ идетъ рѣчь въ Запискѣ тонарха, хотя одна хронологія должна бы мѣшать такимъ смѣлымъ комбинаціямъ. Все это достигается посредствомъ нѣкоторой, на первый взглядъ невинной и не-

большой, неисправности перевода на русскій языкъ греческой фразы. Τοῦτου ἔνεκεν ἢ τοῦ στρατοῦ γέγονεν συλλογή καὶ συγκίνησις καὶ ἢ πρὸς πατηναχίτας διάπεψις: ради этого у насъ былъ собранъ отрядъ войска и посланъ въ Почепѣжскую землю (стр. 281). Такъ переводитъ Ѡ. И. Успенскій ту самую фразу, которая передана нами выше нѣсколько иначе: вотъ ради чего — произошли у насъ сборъ войска и его передвиженіе, а также посылка къ печенѣгамъ. Изъ предыдущаго изложенія легко убѣдиться, что рѣчь идетъ не объ отрядѣ, а о цѣлой арміи, которая сначала была сосредоточена на границахъ, а потомъ вступила не въ печенѣжскіе, по опять таки въ болгарскіе продѣлы. Движеніе арміи—одно, а посылка въ Печенѣжскую землю, очевидно, пословъ, которые съ ними заключили союзъ, — другое: даже грамматика явно даетъ знать объ этомъ (членъ ἢ при διάπεψις), и мы только удивляемся, какъ всего этого не замѣтилъ нашъ исследователь. Никакой посылки военнаго отряда къ печенѣгамъ въ данный моментъ не требовалось и не было; по крайней мѣрѣ источники ничего не говорятъ о томъ.

Заключеніе изъ всего вышеизложеннаго ясно: никакихъ данныхъ о принадлежности Саркела византіяцамъ и вообще о византіяскихъ владѣніяхъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ десятомъ вѣкѣ не существуетъ; это по болѣе, какъ миражъ, представившійся воображенію русскаго ученаго, но долженствующій исчезнуть при свѣтѣ внимательной и строгой критики.

В. Васильевскій.
